

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

На перевале

Дмитрий Мамин-Сибиряк

На перевале

«Public Domain»

1887

Мамин-Сибиряк Д. Н.

На перевале / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1887

«Первый иней, от которого «закидает» лиственница, служит сигналом для охоты на глухарей. Чуть тронутая холодом мягкая хвоя служит лакомством для птицы, и охотники пользуются этим, чтобы бить по зарям усевшихся на лиственницах глухарей. В Среднем Урале это дерево достигает значительной высоты и над лесом поднимается целой головой. Обыкновенно встречаются отдельные деревья, а целые насаждения – очень редко, дальше к северу. Старинное дерево, эта лиственница: высокое, ветвистое, чуть посыпанное своей бледной и мягкой хвоей. По крепости оно тверже дуба, в воде не гниет и потому служит по преимуществу типом корабельного леса. В Среднем Урале лиственницы имеют такой голый, сиротский вид и широко расстилают свои узловатые коряжистые ветви, похожие на олени рога. Южнее эти деревья отличаются стройностью и достигают громадной величины. Так, около Златоуста нашли для телеграфного столба лиственницу, из которой вырубил столб в 36 аршин длины и 12 вершков в верхнем отрубе. Там же молодые лиственные заросли придают характерный отпечаток горной южноуральской растительности...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1887

© Public Domain, 1887

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Дмитрий Мамин-Сибиряк

На перевале

Из осенних мотивов

I

Первый иней, от которого «закидает» лиственница, служит сигналом для охоты на глухарей. Чуть тронутая холодом мягкая хвоя служит лакомством для птицы, и охотники пользуются этим, чтобы бить по зарям усевшихся на лиственницах глухарей. В Среднем Урале это дерево достигает значительной высоты и над лесом поднимается целой головой. Обыкновенно встречаются отдельные деревья, а целые насаждения – очень редко, дальше к северу. Старинное дерево, эта лиственница: высокое, ветвистое, чуть посыпанное своей бледной и мягкой хвоей. По крепости оно тверже дуба, в воде не гниет и потому служит по преимуществу типом корабельного леса. В Среднем Урале лиственницы имеют такой голый, сиротский вид и широко расстилают свои узловатые коряжистые ветви, похожие на олени рога. Южнее эти деревья отличаются стройностью и достигают громадной величины. Так, около Златоуста нашли для телеграфного столба лиственницу, из которой вырубил столб в 36 аршин длины и 12 вершков в верхнем отрубе. Там же молодые лиственные заросли придают характерный отпечаток горной южноуральской растительности.

Итак, первый иней пал, и в садах лиственницы начинают желтеть. Едем на охоту. Осенняя птица жирная, и это лучшее время в своем роде. В самом слове «охота» вы уже чувствуете что-то такое доброе и освежающее... Да, едем. У всякого охотника есть свои облюбованные уголки, куда его непременно тянет, в известное время вы его найдете на своем посту. Для сравнения могу указать на усердных прихожан, которые в церкви станут непременно на *свое* место. У меня таким любимым местом служит осенью так называемый «перевал» – это горный водораздел, глухой уголок, оставшийся в стороне от растерзанных владельческих лесных дач, на тридцать верст никакого жилья, и в самом интересном месте, на крутом берегу горного озера, стоит лесной кордон, где можно и чаю выпить и собрать необходимые сведения от Ивана Васильича, местного сторожа, который проживает здесь «по обязанностям службы».

Дорога из города идет сначала оставшимся за штатом знаменитым сибирским трактом, а потом поворотка на глухой лесоворный проселок. Вы едете покосами, через мелкие лесные островки, по длинным еланям через болота, и опять островки, покосы и леса, уже настоящий лес, который, чем дальше от города, тем выше. Город – величайший враг лесу, и близость этого врага вы чувствуете издали: лучшие деревья срублены, на земле валяется мертвый хворост, молодым деревьям не дают подрасти в настоящую меру. Но чем дальше от города, тем легче и привольнее дышится, и травка не та, и дерево поднимается выше, и воздух такой чистый, хороший. Вот в стороне мелькнул знакомый кордон «на половинке», за ним чернеет смолокурня, где «гонят» деготь и смолу, еще дальше мелькают уже одни поленницы дров, сложенные в стороне полусаженками и осминниками. Подъема в гору вы почти не замечаете, а между тем экипаж на самой вершине водораздела. Вот и последняя болотистая речонка, которая сбегает в Исеть, за ней довольно крутой увал, за ним уже западный склон Урала. Собственно, гор здесь совсем нет, и самый перевал незаметен.

В последний раз я поднимался на водораздел в такой хороший осенний день, обещавший удачную охоту. Когда экипаж очутился на вершине горы, в просветах между редким сосняком серой блестящей полосой глянуло Глухое озеро, одно из той озерной цепи, которая залегла между верховьями рек Исети и Чусовой.

– Вот мы и в Расею заехали, – проговорил кучер Гагара, оборачивая ко мне свое «шадриное» красное лицо с плутоватыми, разномастными глазами. – Вода уже на Волгу отседа пошла... расейская вода...

Придерживая бойкую пристяжку, Гагара ловко спустился в крутой ложок, подтянул коренника и с ямщицким шиком подкатил на угор, где среди пихт и елей прятался кордон.

Очень красивое место, этот кордон, и только недостает какой-нибудь пустыньки или монастырька, чтобы оживить его. С высокого бергга открывался просторный вид на все озеро, разлегшееся среди невысоких лесистых увалов. В глубине, в камышах, спрятался исток, которым озеро соединяется с рекой Чусовой. Вот и собака Юлка выбежала с громким лаем навстречу нам, а в двух избушках показались любопытные лица – в одной обитал сам Иван Васильич в качестве начальства, а другая стояла так, на всякий случай: когда лесничий заедет, когда охотники, когда так кто-нибудь завернет.

– Вот и монашины... – говорил Гагара, осаживая пару у ворот. – Они теперь ягоды собирают в лесу. У Ивана Васильича важнецкая изба для проезжающих налажена, ну, монашины недели по три здесь выживают. Юлка, не узнала гостей?..

Собака в последний раз брехнула на лошадей и ласково завилыла хвостом. В окне избы «для проживающих» мелькнуло два темных монашеских платка. Ворота скрипнули, и показался сам Иван Васильич в своих неизменных резиновых калошах, в темных больших очках и сереньком пиджаке. Это был очень степенный господин с неторопливыми движениями и той солидностью, которая зависит от характера. Он распахнул большие ворота и впустил экипаж во двор.

– Хозяину... – здоровался Гагара с развязностью городского кучера. – Опять к тебе в гости, Иван Васильич.

– Милости просим... Живем в лесу, а гостям рады. Вы уж ко мне пожалуйста в избу, а там в другой избе у меня брусничный монастырь. Может, на свежем воздухе чайку пожелаете напитокся?

– Да, я думаю, что так будет лучше.

– Конечно, для вас это гораздо любопытнее. Ушку можно заварить...

У Ивана Васильича все делалось как-то само собой – и самовар вовремя будет готов, и ушка поспеет. Свой же парень съездит посмотреть в исток поставленную вчера морду и привезет свежих окуньков, – а хозяйка оборудует самовар.

– А как глухари? – спрашиваю я, разминая ноги после тряской трехчасовой дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.